

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ НАУКИ

<https://doi.org/10.5281/zenodo.6560264>
УДК 342.95, 336.14

Киреева А.В.

Киреева Анастасия Викторовна, кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (РАНХиГС), научный сотрудник Института экономической политики им. Е.Т. Гайдара, Россия, 125993, Москва, Газетный пер., д. 3-5, стр. 1. E-mail: kireeva@iep.ru.

Эффективность социального контракта: социально-экономические аспекты

Аннотация. Данная статья посвящена анализу степени эффективности социального контракта с учетом его экономико-правовых особенностей. Выявлена тенденция усиления роли социального контракта в системе мер социальной поддержки и расширения охваченных им видов выплат льгот. Выявлены основные сложности, которые возникают в процессе обеспечения реальной эффективности бюджетных выплат по всем направлениям. Также рассмотрены проблемы, связанные с заключением социального контракта в целях начала малоимущими предпринимательской деятельности. В результате проведенного исследования сделан вывод, что на данный момент нет точных данных о том, в какой степени получателям социальной поддержки удастся сохранить достигнутый уровень благосостояния после того, как выплаты из бюджета в рамках социального контракта прекращаются.

Ключевые слова: социальный контракт, бедность, малоимущие граждане, натуральные формы социальной поддержки, денежные выплаты, трудовые отношения, работающие бедные.

Kireeva A.V.

Kireeva Anastasia Viktorovna, Candidate of Law, Associate Professor, Leading Researcher of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA), leading researcher of Gaidar Institute for economic policy, Russia, 125993, Moscow, Gazetny lane, 3-5, p. 1. E-mail: kireeva@iep.ru.

The effectiveness of the social contract: socio-economic aspects

Abstract. This article is devoted to the analysis of the degree of effectiveness of the social contract, taking into account its economic and legal features. The tendency of strengthening the role of the social contract in the system of social support measures and expanding the types of benefits covered by it has been revealed. The main difficulties that arise in the process of ensuring the real effectiveness of budget payments in all areas are identified. The problems related to the conclusion of a social contract in order for the poor to start

entrepreneurial activity are also considered. As a result of the conducted research, it is concluded that at the moment there is no accurate data on the extent to which recipients of social support manage to maintain the achieved level of well-being after payments from the budget under the social contract are terminated.

Key words: social contract, poverty, poor citizens, natural forms of social support, cash payments, labor relations, working poor.

Борьба с бедностью в последние несколько лет превратилась в одну из наиболее актуальных задач: в условиях пандемии COVID-19 в 2019-2021 гг. и ужесточения санкций в отношении Российской Федерации в 2022 г. для граждан серьезно выросли риски снижения уровня жизни и попадания в категорию малоимущих.

С экономической точки зрения, существует два основных пути борьбы с бедностью: во-первых, обеспечение экономического роста, позволяющего повысить доходы большинства населения и, тем самым, снизить остроту проблемы бедности, во-вторых, расширение социальной поддержки граждан в виде денежных пособий и натуральных льгот (тех или иных бесплатных услуг, предоставляемых гражданам, как правило, по категориальному принципу).

В связи с тем, что обеспечить стабильный экономический рост в сложившихся условиях достаточно сложно, основным способом борьбы с бедностью оказалось наращивание объема социальной поддержки, что происходит в последние несколько лет, как в зарубежных странах, так и в Российской Федерации. И, хотя увеличение социальной поддержки позволяет отчасти смягчить последствия финансовых проблем для населения, оно сопряжено и с определенными рисками, в числе которых: недостаточная адресность традиционных для российской правовой системы социальных льгот, предоставляемых, как правило, в натуральной форме – их получателями зачастую становятся не столько малоимущие, сколько лица со средним достатком, относящиеся к той или иной льготной категории, а также – риск формирования иждивенческой позиции у граждан и утраты стимулов к трудоустройству и/или предпринимательству

при увеличении объема адресных выплат малоимущим в денежной форме. Последняя проблема оказывается особенно актуальной в случае, когда совокупный объем социальных выплат и натуральных льгот приближается к сумме, сопоставимой с заработной платой на линейных неквалифицированных позициях на предприятиях малого бизнеса: в подобных условиях гражданину становится невыгодно искать новую работу.

Для преодоления, или как минимум, смягчения, данной проблемы в последние три десятилетия в практике большинства зарубежных стран используется социальный контракт, позволяющий перейти от пассивной политики на рынке труда, выражающейся в предоставлении пособий по безработице, к активному стимулированию малоимущих, находящихся в поиске занятости [8], и, соответственно, от финансовой защиты малоимущих от социальных рисков к реализации индивидуальных планов мероприятий, направленных на стимулирование получателей социальной помощи к большей экономической самостоятельности [2; 12]. Последнее требует повышения уровня индивидуализации работы с каждым из получателей социальных пособий, а также установления для каждого из них определенных условий ее получения.

Одними из ключевых средств персонализации мер по социальной поддержке в странах ОЭСР стали: установление определенных условий для участия в программах социальной поддержки; социальное сопровождение получателей социальной поддержки (case management); индивидуальные планы действий, а также анализ результатов их реализации, осуществляемый посредством проведения последующих интервью. В большинстве стран ОЭСР действуют комплексные программы

обеспечения минимального дохода для лиц трудоспособного возраста и их семей. Эти программы представляют собой либо предусмотренную на крайний случай «подушку безопасности», существующую одновременно с пособиями, замещающими трудовой доход, либо выступают в роли основного средства обеспечения социальной защиты [11].

При этом имеет место тенденция усиления роли социального контракта в системе мер социальной поддержки и расширения охваченных им видов выплат льгот: в последние тридцать лет в странах ОЭСР постоянно расширяется практика установления для получателей социальной помощи юридически закрепляемых обязательств и даже санкций, которые обосновываются различно, в том числе, экспертами указывается на необходимость повышения адресности социальной помощи, стремление ограничить рост финансовой нагрузки на сферу социального обеспечения, а также на необходимость предотвращения социального иждивенчества. При этом формально декларируемыми основаниями, как правило, становятся различные позитивные для граждан аспекты социального контракта, такие как: возможность обеспечить пребывание безработных на рынке труда, интеграция различных мер социальной поддержки в единый инструмент, и даже – улучшение положения детей, интересы которых могут учитываться при расчете совокупного объема социальной поддержки, предоставляемой в различных формах и из различных источников [6]. При этом в большинстве случаев подобный подход применяется в странах ОЭСР по отношению к малоимущим безработным, для которых вводятся программы стимулирования деловой и/или трудовой активности, являющиеся обязательным элементом получения пакета как страховой помощи безработным (*first-tier out-of-work benefits*), так и социальной помощи (*welfare benefit*). Причем, распространенной является ситуация, когда администрирование социальной помощи делегируется службам занятости, осуществ-

ляющим, наряду с этим и традиционное для них администрирование страховых пособий по безработице [3; 4; 10; 13; 15].

Обобщая проанализированный нами опыт стран ОЭСР, можно сделать следующие выводы:

а) имеет место долгосрочная тенденция по ужесточению условий предоставления социальной помощи малоимущим, повышению их ответственности за результаты участия в программах социальной поддержки;

б) имеет место тенденция интеграции различных видов социальной поддержки в единый пакет, включающий как натуральные социальные льготы, так и денежные выплаты, в т.ч., пособия по безработице, детские пособия, льготы по оплате проезда в общественном транспорте, по оплате коммунальных услуг и т.д. С точки зрения административных издержек, которые несет как государство, так и сами заявители, подобная унификация заслуживает, скорее положительной оценки, поскольку позволяет социальным службам работать в режиме одного окна. Однако с позиции интересов получателя социальной поддержки, подобный подход представляется рискованным: в случае исключения из программы, он теряет все основные виды социальной помощи одновременно;

в) происходит усиление индивидуализации как объема и видов социальной помощи, предоставляемых каждому заявителю, так и характера обязательств и получателей социальной поддержки – социальная помощь оказывается взаимовязанной с выполнением малоимущими плана действий (*action plan*), который определяется индивидуально, конкретными социальными работниками, как и сам объем предоставляемой социальной поддержки [14].

Указанная тенденция также, по нашему мнению, заслуживает неоднозначной оценки, поскольку, с одной стороны, она позволяет учесть потребности каждого конкретного малоимущего, а также оптимизировать бюджетные затраты на оказание социальной поддержки, предоставляемой широкому кругу заявителей – часть их

них при подобном подходе получит не все теоретически доступные им виды помощи, а также часть заявителей будет исключена из программ социальной поддержки в связи с невыполнением условий социального контракта. С другой стороны, индивидуализация социальной поддержки, ориентированная на постепенный отказ использования категориального подхода к определению круга лиц, имеющих право на ее получение, сопряжена с рисками коррупции, а также – возможной дискриминации заявителей по различным признакам. К примеру, целый ряд источников указывает, что в США заявки женщин на получение пособий удовлетворяются чаще и в большем объеме, нежели обращения заявителей мужского пола: безработные заявительницы получают до 49% прежней заработной платы, а заявители – лишь 46%;

г) происходит постепенное смещение страховых и социальных форм поддержки безработных, в результате чего утрачивается смысла сохранения этих двух различных каналов поддержки малоимущих;

д) одновременно с этим, отсутствует системный подход к поддержке «работающих бедных» – отчасти это связано с тем, что до последнего времени для стран ОЭСР данная проблема не являлась актуальной;

е) оценка потребностей малоимущего в социальной помощи осуществляется, как правило, с учетом доходов и имущественного статуса его семьи, что стимулирует официальные браки, в результате социальная политика, основанная на социальных контрактах, приобретает антисемейный характер;

ж) постоянно повышается роль субфедерального уровня и органов местного самоуправления как в определении объемов социальной поддержки, так условий ее предоставления, что, с одной стороны упрощает администрирование социальных контрактов малоимущих [5], а с другой усиливает межрегиональное и межмуниципальное неравенство;

з) в качестве базовой цели развития практики социальных контрактов и их

дальнейшей индивидуализации, как правило, заявляется необходимость повышения эффективности социальной политики.

Однако даже у зарубежных экспертов, изучающих данный инструмент на протяжении нескольких десятков лет, не говоря уже об отечественных, отсутствуют достаточные эмпирические данные, которые позволяли бы сделать однозначные выводы о степени практической эффективности социальных контрактов в долгосрочной перспективе, в т.ч., неизвестно, в какой степени их заключение влияет на экономическую самостоятельность малоимущих в рамках периода, составляющего хотя бы 3-5 лет после завершения контракта [6; 7; 9].

Вышеизложенное позволяет утверждать, что Российская Федерация, развивая практику заключения социальных контрактов, заимствовала экономико-правовой инструмент, эффективность которого не имеет однозначного подтверждения. Одновременно с этим сложившаяся система административно-правового взаимодействия с гражданами не позволяет в полной мере использовать преимущества «тонкой настройки» и «индивидуализации» социальной помощи, свойственные зарубежной практике социальных контрактов: как было сказано выше, для нее характерно делегирование должностным лицам социальных служб решения об определении как объема, так и видов социальной помощи, включающих достаточно широкий набор возможных натуральных льгот и выплат.

В России внедрение подобного подхода затруднено в силу жестких требований антикоррупционного законодательства, которое основывается на положениях Федерального закона от 17.07.2009 № 172-ФЗ «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов» и принятого в его развитие Постановления Правительства РФ от 26.02.2010 № 96 «Об антикоррупционной экспертизе нормативных правовых актов и проектов нормативных правовых актов», которое в подп. а-в пунк-

та 3 прямо указывает на тот факт, что широта дискреционных полномочий госслужащего, определение его полномочий по формуле «вправе», предусматривающей диспозитивное установление возможности совершения им тех или иных юридически значимых действий в отношении граждан, а также выборочное изменение объема их прав – относятся к числу коррупциогенных факторов, исключающих возможность принятия содержащего их проекта нормативного акта. Таким образом, установить при заключении социального контракта полностью индивидуальный подход к получателю пособия, основанный на определении для него комплекса натуральных льгот и выплат, нельзя. Это означает, что при заключении социального контракта также может использоваться лишь традиционный для российской системы социальной поддержки «категориальный» подход, в той или иной степени учитывающий степень «нуждаемости» заявителя.

В результате, идея социального контракта оказалась ограниченно применимой уже на этапе ее внедрения, что привело к достаточно узкой сфере его использования в России. На основании ч. 3 ст. 8.1 Федерального закона «О государственной социальной помощи» он, во-первых, заключается исключительно с малоимущими гражданами, во-вторых, лишь по трем направлениям: на поиск работы, начало предпринимательской деятельности и ведение личного подсобного хозяйства. На его основании предоставляются денежные выплаты, размер которых определяется с учетом дохода семьи, особенностей программы адаптации гражданина, а также оснований его предоставления (трудоустройство, бизнес или ЛПХ). При этом вероятность расширения сферы действия социального контракта за счет дальнейшей интеграции в соц. контракт натуральных льгот затруднительна, поскольку это ограничило бы существующие права льготных категорий населения.

В итоге, сложившаяся в России версия социального контракта в значительной степени дублирует мероприятия по стра-

ховой поддержке безработных как в части задач и функциональной направленности этих двух инструментов, так и в части требований к получателям социальной помощи (выше показано, что эта проблема характерна и для стран ОЭСР).

Социальный контракт применяется в России с 2013 г. на основании ст. 8.1 Федерального закона от 17.07.1999 № 178-ФЗ «О государственной социальной помощи», в 2020 г. Минтруда был реализован пилотный проект с участием 21 субъекта РФ, направленный на совершенствование данного инструмента, а с 2021 г. все субъекты РФ получают федеральные субсидии на реализацию мероприятий в рамках социальных контрактов. На первый взгляд, он продемонстрировал свою эффективность и востребованность. Так, только за первые 6 лет количество заключаемых социальных контрактов выросло в 2,4 раза, а количество вовлеченных граждан – в 3,4 раза. В 2019 году в России было заключено 89,3 тыс. социальных контрактов с общим охватом в 321,5 тыс. человек; в 2021 г. социальный контракт охватил более 980 тысяч граждан (с учетом их семей), всего было заключено 282,1 тыс. социальных контрактов; а доходы граждан увеличились в среднем в 1,6 раз [1].

По данным Минтруда, в 2021 г. по мероприятиям, направленным на поиск работы – с гражданами было заключено 112,1 тыс. (39,7%) контрактов, осуществление индивидуальной предпринимательской деятельности – 65,9 тыс. (23,4%), ведение личного подсобного хозяйства – 26,8 тыс. (9,5%), иные мероприятия, направленные на преодоление гражданином трудной жизненной ситуации – 77,3 тыс. (27,4%) [16].

Обеспечение реальной эффективности бюджетных выплат по всем трем направлениям сопряжено с определенными сложностями. Так, по направлению трудоустройства цели, задачи, а также условия реализации мероприятий в рамках социального контракта пересекаются с мероприятиями по социальной поддержке безработных. При этом социальный кон-

тракт, как и страховые выплаты безработным, не устраняет главной причины отсутствия у гражданина трудовой занятости, а именно – недостаточную эффективность работы центров занятости и сложности с поиском работы для отдельных категорий малообеспеченных граждан: предпенсионеров, низкоквалифицированных работников, женщин с детьми, лиц, недавно закончивших курсы профессиональной подготовки, и пр. В большинстве случаев им требуются не столько выплаты по социальному контракту, сколько предоставляемое государством гарантированное трудоустройство по результатам организованного центрами занятости переобучения, которое не в настоящее время практикуется. В противном случае выплаты по социальному контракту превращаются в дополнительное пособие, предоставление которого формально признается «эффективным» по итогам завершения соцконтракта, даже в случае, если гражданин увольняется вскоре после его «трудоустройства».

В отношении социального контракта, заключаемого в целях начала малоимущими предпринимательской деятельности, также существует ряд труднопреодолимых проблем.

Во-первых, малообеспеченным гражданам, как правило, не свойственен предпринимательский образ мышления и действий, в силу чего им может потребоваться большая образовательная и психологическая работа, которая, как правило, превышает возможности программы их адаптации.

Во-вторых, выделяемая в целях старта предпринимательской деятельности сумма незначительна, ее максимальное значение по состоянию на 2001-2022 г. составляло 250 тыс. руб., а направления ее расходования жестко регламентируются: так, на аренду или приобретение помещения допускается потратить всего 37500 руб., а на административные расходы, связанные с постановкой налогоплательщика на учет, – не более 12500 руб., что не покрывает даже затрат, связанных с установлением онлайн-кассы. Даже в результате

расширения круга расходов, которые могут компенсироваться за счет средств социального контракта, проблема ресурсных ограничений полностью не решается.

Чтобы реально осуществлять предпринимательскую деятельность, получатель социальной поддержки в любом случае должен вложить в нее собственные средства, которых у него, как у малоимущего, теоретически быть не должно. Отсюда следует, что заключая социальный контракт по данному направлению, государство целенаправленно закрывает глаза либо на низкое качество проверки нуждаемости заявителя, либо на низкую вероятность его долгосрочного предпринимательского успеха, поскольку средств, выделяемых ему из бюджета, заведомо недостаточно.

Развитие личного подсобного хозяйства представляется наиболее целесообразным направлением для заключения социальных контрактов, однако, и оно сопряжено с рядом ограничений в части наложения на гражданина обязанностей по регистрации в качестве самозанятого, что влечет для него фискальные платежи без гарантии стабильных продаж, а также чрезмерно короткого срока содействия в производстве и сбыте сельхозпродукции, который составляет всего 12 месяцев и незначительного размера помощи – в форме единовременной выплаты до 100 тыс. руб.

Короткий срок действия социального контракта, заключаемого на период от трех месяцев до одного года в зависимости от содержания программы социальной адаптации, также препятствует оценке эффективности мер социальной поддержки, поскольку за рамками годичного периода получатель ответственности за прекращение трудовой или предпринимательской деятельности, или ведения подсобного хозяйства, не несет. То есть, отчет органов госвласти могут о результативности мер соц. поддержки по состоянию на конец года, не означает, что получатель помощи реально вышел из бедности и освоил экономически активные модели поведения.

Однако одним из ключевых препятствий на пути повышения эффективности социального контракта, по нашему мнению, является применяемый законодателем подход к определению круга малоимущих, имеющих право на его заключение, при котором оценивается только размер их дохода, но не учитываются обязательные (вынужденные) платежи, снижающие до уровня МРОТ на человека реальные располагаемые средства семьи.

С одной стороны, как было показано выше, в качестве инструмента борьбы с безработицей и инструмента стимулирования малого бизнеса он избыточен, поскольку дублирует иные формы государственной поддержки по данным направлениям, но не решает ключевых проблем получателей соцподдержки, вызванных дефицитом рабочих мест с приемлемыми условиями труда и уровнем заработной платы, а также наличием у получателя психологической готовности, компетенции и опыта в бизнесе.

С другой стороны, социальный контракт не включает широкий круг лиц, нуждающихся в поддержке государства, но не признаваемых малообеспеченными. В первую очередь, это касается «работаю-

щих бедных», и, в особенности, лиц, формально не соответствующих критериям малообеспеченности, но не имеющих достаточных ресурсов для финансирования своих текущих базовых потребностей. К данной категории следует, в первую очередь, отнести граждан, имеющих проблемы с погашением кредитов, а также лиц, вынужденных оплачивать образование и/или лечение свое или близких родственников. Формально их доход может превышать размер минимальной оплаты труда, но после выплаты обязательных платежей, в их распоряжении может оставаться существенно меньшая сумма.

Представляется, что в перспективе целесообразно:

а) разделить направления господдержки занятости, малого бизнеса и социальной поддержки малоимущих, сохранив социальный контракт исключительно для последнего направления,

б) рассмотреть вопрос о распространении социального контракта на лиц, формально получающих доход, превышающий МРОТ, однако не имеющих возможности распоряжаться им после уплаты ряда, определяемых уполномоченными органами, обязательных платежей.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Карелова Г.: Подведены итоги реализации социального контракта в 2021 году. URL: <http://council.gov.ru/events/news/133112>.
2. Betzelt S., Bothfeld, S., & Béraud, M. Activation and labour market reforms in Europe: challenges to social citizenship. Work and welfare in Europe. Houndmills: Palgrave Macmillan; Kildal, N., & Nilssen, E. 2011. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Activation-and-labour-market-reforms-in-Europe-%3A-to-Betzelt-Bothfeld/af35acc93cde69c5f8a22300a85aeeddf1f1258>.
3. From Inactivity to Work: The Role of Active Labour Market Policies”, OECD Social, Employment and Migration Working Papers, No. 36, OECD, Paris: Kluve, J. 2006. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/from-inactivity-to-work_687686456188.
4. Heckman J.J., R.J. LaLonde and J.A. Smith. «The Economics and Econometrics of Active Labor Market Programs», in: O. Ashenfelter and D. Card (eds.) Handbook of Labor Economics, Elsevier. 1999. V. 3. Pp. 1865-2097.
5. Immervoll H. «Minimum-Income Benefits in OECD Countries: Policy Design, Effectiveness and Challenges», in: D. J. Besharov and K. A. Couch (eds.), Counting the Poor. New Thinking About European Poverty Measures and Lessons for the United States, Oxford University Press. 2012. Pp. 171-209.
6. Kluve, J. (2010). The effectiveness of European active labor market programs. Labour Economics. №17 (6). Pp. 904-918.

7. Langenbucher K. "How demanding are eligibility criteria for unemployment benefits, quantitative indicators for OECD and EU countries» // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2015. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/paper/5jrxtk1zw8f2-en>.
8. A new contract for social assistance (one) – An Offer You Can't Refuse. 2001. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/an-offer-you-cant-refuse/new-contract-for-social-assistance/1E6D29AE9724B786BD4D6FF1F9BAC9CD>.
9. Malmberg-Heimonen Ira & Toge, Anne. (2015). Effects of individualised follow-up on activation programme participants' self-sufficiency: A cluster-randomised study. *International Journal of Social Welfare*. 25. 10.1111/ijsw.12179. URL: https://oda.oslomet.no/oda-xmlui/bitstream/handle/10642/4772/Malmberg-Heimonen_Toege.pdf?sequence=2.
10. Martin, J.P. and D. Grubb. What Works and for Whom: A Review of OECD Countries' Experiences with Active Labour Market Policies // IFAU Working Paper No. 2001. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/82211>.
11. Ministry of Social Development (2018), Obligations and Sanctions Rapid Evidence Review Paper 1: An Overview. New Zealand Government. URL: <https://www.msd.govt.nz/documents/about-msd-and-our-work/publications-resources/information-releases/weag-report-release/obligations-and-sanctions-rapid-evidence-review-paper-1-an-overview.pdf>.
12. Norwegian welfare reforms: social contracts and activation policies. Houndmills: Palgrave Macmillan, cop. 2011; Valkenburg, B. (2007). Individualising activation services: Thrashing out an ambiguous concept. In B. Valkenburg & R. van Berkel (Eds.), *Making it personal: individualising activation services in the EU*. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Norwegian-Welfare-Reforms%3A-Social-Contracts-and-Kildal-Nilssen/1fcf0364868211feb05a65d88ef236a41a7d6b52>.
13. Office of Labour Market Policy Evaluation (IFAU) OECD. *Employment Outlook*, OECD, Paris. 2005. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/empl_outlook-2005-en.
14. Street-Level Bureaucracy. Dilemmas of the Individual in Public Service. New York: Russell Sage Foundation) [de wilde & Goos] 2017. URL: <https://www.russellsage.org/publications/street-level-bureaucracy>.
15. The Effectiveness of European Active Labor Market Policy”, IZA Discussion Paper No. 2018, Institute for the Study of Labor, Bonn) [Immervoll]. 2010. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/2018>.
16. Годовой отчет Минтруда за 2021 год о ходе реализации и оценке эффективности государственной программы Российской Федерации «Социальная поддержка граждан». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2232>.

REFERENCES (TRANSLITERATED)

1. Karelova G.: Podvedeny itogi realizacii social'nogo kontrakta v 2021 godu. URL: <http://council.gov.ru/events/news/133112>.
2. Betzelt S., Bothfeld, S., & Béraud, M. Activation and labour market reforms in Europe: challenges to social citizenship. *Work and welfare in Europe*. Houndmills: Palgrave Macmillan; Kildal, N., & Nilssen, E. 2011. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Activation-and-labour-market-reforms-in-Europe-%3A-to-Betzelt-Bothfeld/af35acc93cdb69c5f8a22300a85aeeedf1f1258>.
3. From Inactivity to Work: The Role of Active Labour Market Policies”, *OECD Social, Employment and Migration Working Papers*, No. 36, OECD, Paris: Kluve, J. 2006. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/social-issues-migration-health/from-inactivity-to-work_687686456188.
4. Heckman J.J., R.J. LaLonde and J.A. Smith. «The Economics and Econometrics of Active Labor Market Programs», in: O. Ashenfelter and D. Card (eds.) *Handbook of Labor Economics*, Elsevier. 1999. V. 3. Pp. 1865-2097.
5. Immervoll H. «Minimum-Income Benefits in OECD Countries: Policy Design, Effectiveness and Challenges», in: D. J. Besharov and K. A. Couch (eds.), *Counting the Poor. New Thinking About European Poverty Measures and Lessons for the United States*, Oxford University Press. 2012. Pp. 171-209
6. Kluve, J. (2010). The effectiveness of European active labor market programs. *Labour Economics*. №17 (6). Pp. 904-918.

7. Langenbucher K. "How demanding are eligibility criteria for unemployment benefits, quantitative indicators for OECD and EU countries» // OECD Social, Employment and Migration Working Papers. 2015. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/content/paper/5jrxtk1zw8f2-en>.
8. A new contract for social assistance (one) – An Offer You Can't Refuse. 2001. URL: <https://www.cambridge.org/core/books/abs/an-offer-you-cant-refuse/new-contract-for-social-assistance/1E6D29AE9724B786BD4D6FF1F9BAC9CD>.
9. Malmberg-Heimonen Ira & Toge, Anne. (2015). Effects of individualised follow-up on activation programme participants' self-sufficiency: A cluster-randomised study. International Journal of Social Welfare. 25. 10.1111/ijsw.12179. URL: https://oda.oslomet.no/oda-xmlui/bitstream/handle/10642/4772/Malmberg-Heimonen_Toege.pdf?sequence=2.
10. Martin, J.P. and D. Grubb. What Works and for Whom: A Review of OECD Countries' Experiences with Active Labour Market Policies // IFAU Working Paper No. 2001. URL: <https://www.econstor.eu/handle/10419/82211>.
11. Ministry of Social Development (2018), Obligations and Sanctions Rapid Evidence Review Paper 1: An Overview. New Zealand Government. URL: <https://www.msd.govt.nz/documents/about-msd-and-our-work/publications-resources/information-releases/weag-report-release/obligations-and-sanctions-rapid-evidence-review-paper-1-an-overview.pdf>.
12. Norwegian welfare reforms: social contracts and activation policies. Houndmills: Palgrave Macmillan, cop. 2011; Valkenburg, B. (2007). Individualising activation services: Thrashing out an ambiguous concept. In B. Valkenburg & R. van Berkel (Eds.), Making it personal: individualising activation services in the EU. URL: <https://www.semanticscholar.org/paper/Norwegian-Welfare-Reforms%3A-Social-Contracts-and-Kildal-Nilssen/1fcf0364868211feb05a65d88ef236a41a7d6b52>.
13. Office of Labour Market Policy Evaluation (IFAU) OECD. Employment Outlook, OECD, Paris. 2005. URL: https://www.oecd-ilibrary.org/content/publication/empl_outlook-2005-en.
14. Street-Level Bureaucracy. Dilemmas of the Individual in Public Service. New York: Russell Sage Foundation) [de wilde & Goos] 2017. URL: <https://www.russellsage.org/publications/street-level-bureaucracy>.
15. The Effectiveness of European Active Labor Market Policy”, IZA Discussion Paper No. 2018, Institute for the Study of Labor, Bonn) [Immervoll]. 2010. URL: <https://www.iza.org/publications/dp/2018>.
16. Godovoj otchet Mintruda za 2021 god o hode realizacii i ocenke jeffektivnosti gosudarstvennoj programmy Rossijskoj Federacii «Social'naja podderzhka grazhdan». URL: <https://mintrud.gov.ru/docs/2232>.

Поступила в редакцию 17.05.2022.

Принята к публикации 18.05.2022.

Для цитирования:

Киреева А.В. Эффективность социального контракта: социально-экономические аспекты // Гуманитарный научный вестник. 2022. №5. С. 64-72. URL: <http://naukavestnik.ru/doc/2022/05/Kireeva.pdf>